

**ҚАЗАҚСТАНДА ГУЛАГ ЛАГЕРЛЕРІ ТҮТҚЫНДАРЫНЫҢ ЖӘНЕ
ОЛАРДЫҢ ОТБАСЫЛАРЫНЫҢ ТАҒДЫРЫ
СУДЬБЫ УЗНИКОВ ЛАГЕРЕЙ ГУЛАГА В КАЗАХСТАНЕ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ
THE FATE OF THE PRISONERS OF THE GULAG CAMPS IN KAZAKHSTAN
AND THEIR FAMILY MEMBERS**

МРНТИ 03.20.00

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В КАЗАХСТАНСКИХ ЛАГЕРЯХ
ГУЛАГА (1930-1959 ГГ.): КОНТИНГЕНТ И
УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ**

Сактаганова Зауреш Галимжановна^{1*}

¹ Доктор исторических наук, профессор-исследователь, Карагандинский Университет имени академика Е.А. Букетова. Республика Казахстан, г. Караганда. E-mail: zauresh63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5881-482X>

*Автор-корреспондент

Аннотация. В данной статье на основе архивных материалов и опубликованных документальных и исследовательских работ даны краткий историографический обзор опубликованных трудов по истории и численности казахстанских лагерей ГУЛАГа; рассмотрены базовые нормативно-правовые документы, на основе которых шел процесс формирования, так называемых, «политических» заключенных ИТЛ системы ГУЛАГа; проведен анализ количественного формирования данного контингента по годам на примере Карагандинского исправительно-трудового лагеря.

В статье отмечено, что количество заключенных, оказавшихся в лагерях, подвергнутых политическим репрессиям, было гораздо больше осужденных по 58 статье Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., поскольку сотни тысяч людей были осуждены не только по статьям УК РСФСР, но и на основе приказов ОГПУ-НКВД, постановлений партии и правительства и др. В данной статье поставлена цель проанализировать количество заключенных за «контрреволюционные преступления», то есть, по 58 статье УК РСФСР в казахстанских лагерях ГУЛАГа на примере Карлага, как самого большого из ИТЛ в республике. В публикации использованы материалы из фонда Р-9414 Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: ГУЛАГ, исправительно-трудовые лагеря, политические заключенные, условия содержания, казахстанские лагеря ГУЛАГа, Карлаг.

ГУЛАГ-ТЫҢ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ЛАГЕРЛЕРІНДЕГІ САЯСИ ТҮТҚЫНДАР: КОНТИНГЕНТІ МЕН ТҮТҚЫНДАР ЖАҒДАЙЫ

Сақтағанова Зәуреш Ғалымжанқызы^{1*}

¹ Тарих ғылымдарының докторы, зерттеуші профессор, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қазақстан, Қарағанды. қ. E-mail: zauresh63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5881-482X>

*Автор–корреспондент

Аңдатпа. Мақалада архивтық және жарияланған құжаттық материалдар мен зерттеу жұмыстарының негізінде ГУЛАГтың қазақстандық лагерлері тарихы мен саны бойынша жарыққа шыққан еңбектерге қысқаша тарихнамалық шолу жасалған; ГУЛАГ жүйесінің Еңбекпен түзету лагеріндегі «саяси» тұтқындарды қалыптастыру үдерісі жүзеге асырылған негізгі нормативтік-құқықтық құжаттар қарастырылған, сонымен қатар Қарағанды еңбекпен түзету лагерлері мысалында жылдар бойынша осы «саяси» тұтқындар контингентінің сандық жағынан құрылуына талдау жасалады.

Мақалада жүздеген мың адам РКФСР ҚК баптары бойынша ғана емес, сонымен қатар ОГПУ-НКВД бұйрықтары, партия және үкімет қаулылары және т.б. негізінде сотталғандықтан 1926 ж. РКФСР Қылмыстық кодексінің 58 бабы бойынша сотталғандардан саяси қуғын-сүргінге ұшырап лагерге түскен тұтқындар саны едәуір көп болғаны көрсетіледі. Бірақ, бұл мақалада ГУЛАГтың қазақстандық лагерлерінде Қарағанды лагері мысалында «контрреволюциялық қылмыстары» үшін яғни РКФСР ҚК 58 бабы бойынша сотталғандар санына талдау жасау мақсаты қойылды. Жұмыста Ресей Федерациясы Мемлекеттік архивының Р-9414 қорынан алынған материалдар қолданылды.

Түйін сөздер: ГУЛАГ, еңбекпен-түзету лагерлері, саяси тұтқындар, қамауда ұстау жағдайы, ГУЛАГтың қазақстандық лагрлері, Карлаг.

POLITICAL PRISONERS IN KAZAKHSTAN'S GULAG CAMPS (1930-1959): CONTINGENT AND CONDITIONS OF DETENTION

Saktaganova Zauresh Galimzhanovna^{1*}

¹ Doctor of Historical Sciences, Research Professor, Karaganda State University, academician E.A. Buketov. Kazakhstan, Karaganda. E-mail: zauresh63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5881-482X>

*Correspondent author

Abstract. Based on archival materials and published documentary and research works, the article provides a brief historiographical overview of published works on the history and population of the Kazakh Gulag camps; the basic normative-legal documents were considered, and the process of forming the so-called "political" prisoners of the corrective labor camps (ITLs) of the Gulag system was based on them; an analysis of the quantitative formation of this contingent by year was carried out using the example of the Karaganda forced labor camp.

The article notes that the number of prisoners who ended up in camps subjected to political repression was much higher than those convicted under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR of 1926, because hundreds of thousands of people were convicted not only under the articles of the Criminal Code of the RSFSR, but also on the basis of orders of the OGPU-NKVD, resolutions of the Party and the government, etc. But this article aims to analyze the number of prisoners for "counter-revolutionary crimes", i.e. under Article 58 of the Criminal Code of the

RSFSR in the Kazakhstani Gulag camps on the example of Karlag, as the largest of the ITLs in the republic. The publication uses materials from the fund R-9414 of the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Gulag, corrective labor camps, political prisoners, detention conditions, Kazakhstani Gulag camps, Karlag.

Введение. Репрессивная политика советского государства требовала ряда инструментов/механизмов для ее системной реализации. Система ГУЛАГа, созданная в 1930 г. была одним из таких механизмов для реализации политики масштабных политических репрессий, она стала одним из подразделений огромной лагерно-тюремной системы СССР. В ходе изучения проблемы «казахстанские лагеря ГУЛАГа» нами были выделены ряд ключевых аспектов/вопросов, которые, на наш взгляд, требуют уточнения, поскольку неопределенность в данных вопросах вызывала еще большую неоднозначность многих других аспектов проблемы. Именно они на теоретическом уровне не всегда однозначно решались разными исследователями, имели множество различных вариантов трактовки, вызывая все новые вопросы.

Когда возник термин «лагерь» в пенитенциарной системе советского государства? Этот вопрос в историографии, действительно достаточно неоднозначен. Российскими исследователями, занимавшимися проблемами ГУЛАГа (изучение ГУЛАГа в РФ началось несколько раньше, чем в Казахстане и уже имеет определенные сложившиеся историографические тенденции), отмечается, что «даже базовый термин «лагеря» до сих пор употребляется крайне расплывчато, соответствуя в различных описаниях объектам самого разного уровня – от отдельного лагерного пункта до региональной лагерной агломерации».

Первые созданные в 1918 г. в советском государстве лагеря назывались концентрационными. В 1919 г. постановлением ВЦИК №235 «О лагерях принудительных работ» была озвучена необходимость создавать лагеря принудительных работ в ведении НКВД. В документах НКВД термины «лагерь принудительных работ» и «концентрационный лагерь» использовали часто как синонимы; встречается и название «концентрационные трудовые лагеря», это разделение на типы, считают российские историки, во многом было формальным. (Система исправительно-трудовых лагерей, 1998: 12)

Уже в 1930-х гг. в СССР были созданы исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), наименование ИТЛ было озвучено 27 июня 1929 на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). 11 июля 1929 г. постановлением Совета Народных Комиссаров СССР «Об использовании труда уголовно-заключённых» создавались две параллельные структуры мест лишения свободы: в ведении ОГПУ СССР и в ведении республиканских НКВД. Основу первой структуры составляли исправительно-трудовые лагеря для осужденных к лишению свободы на срок свыше 3 лет. А вторая структура включала места лишения свободы для лиц, осужденных на срок до 3 лет, для их содержания организовали сельскохозяйственные и промышленные колонии – исправительно-трудовые колонии (ИТК), поэтому в подчинении республиканских НКВД находились не лагеря, а исправительно-трудовые колонии (Дильманов, 2002: 4-5). Созданные с 1929 г. ИТЛ имели лишь союзное подчинение. В лагерях находились осужденные на сроки от 3-х до 25-ти лет, режим определялся наиболее жесткий. В исправительно-трудовых лагерях находились как осужденные по уголовным статьям (сроки более 3 лет), так и «политические».

Контингент из политзаключенных был представлен осужденными по ст. 58 – «Контрреволюционные преступления» – одна из самых тяжелых из всего Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. В редакции 1926 г. в особенной части УК РСФСР к государственным преступлениям относят контрреволюционные преступления, где они выделены в отдельную главу (статья 58.1-18). Из 17 подпунктов 58-й статьи (58.2-58.18) в 13 подпунктах (76%) (кроме 58.12, 58.15, 58.17) предусматривалась высшая мера

наказания – расстрел (Уголовный кодекс РСФСР, 1926). Производственная деятельность в ИТЛ политических заключенных планировалась на самых тяжелых работах, где ни вольнонаемные, ни колонисты использоваться не могли.

В систему ГУЛАГа входили исправительно-трудовые лагеря, в состав ИТЛ входили: управление лагеря, а также (если лагерь был разбросан по большой территории и включал значительное число осужденных) лагерные отделения (ЛО) и более мелкие лагерные пункты (ЛП). Число лагерных отделений, как и лагерных пунктов, часто менялось в зависимости от количества заключенных. Например, в отдельные годы количество отделений Карагандинского ИТЛ было: в 1941 г. – 22 отделения, 1951 – 24, 1955 г. – 28 отделений (Дулатбеков, 2012: 252).

Также создавались лагерные отделения (в частности, в Казахской ССР), которые непосредственно подчинялись Главному Управлению – ГУЛАГу. Такие лагерные отделения не являлись частью другого ИТЛ, их исследователи нередко называют просто лагерями (такая тенденция нами отслежена и в архивных документах). Например, Степнякское ЛО (Акмолинская область, г. Степняк, 1947-1953 гг.), Майкаинское ЛО (Павлодарская область, Баян-Аульский р-н, р.п. Майкаин, 1947-1953 гг.) Ермаковское ЛО или Ермаковлаг (г. Усть-Каменогорск, ст. Аврора Туркестано-Сибирской ж/д, 1953 г.). Эти лагерные отделения были отдельной структурой и нередко в делопроизводственной гулаговской документации (ГАРФ, фонд Р-9414) их называли лагерями. Хорошо известный АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников родины, несмотря на частое обозначение его, как лагеря, на самом деле являлся лишь одним из отделений Карлага. АЛЖИР официально являлся 17-м Акмолинским лагерным отделением Карлага, на баланс Карлага был принят в 1939 г.

Материалы и методы. Основными принципами и подходами, на которые автор опирался в статье, являются принципы историзма и объективности, структурно-системный подход. Из основополагающих общенаучных и специально-исторических методов следует выделить методы аналогии, обобщения, а также количественный, проблемно-хронологический, ретроспективный методы, которые позволили систематизировать и анализировать имеющиеся исторические источники по проблеме исследования материал и представить картину контингента и условий содержания политических заключенных в казахстанских лагерях ГУЛАГа на примере Карагандинского ИТЛ.

Источниковые материалы, на которых выстроена данная статья, представлены архивными документами из фонда Государственного архива Российской Федерации (Фонд Р-9414 – Главное управление мест заключения (ГУМЗ), а также информацией и сведениями, которые представлены в исследованиях и документальных сборниках по истории Карлага.

Обсуждение. История лагерей ГУЛАГа стала специальным объектом изучения в зарубежной (европейской и американской) историографии в научном плане начиная с 40-х гг. XX века (Mora, Zwierniak, 1945; Dallin, Nicolaevsky, 1947; Яковлев, 1983; Bacon, 1994; Stark, 2003; Barnes, 2011; Эпплбаум, 2023). В советской стране в 1960-1970-х гг. работ такого рода были единицы, и те публиковались за пределами СССР (Солженицын, 1973), но в конце перестройки, в 1989-1990 гг. появляется ряд публикаций российских историков (Земсков, 1991 и др.). На постсоветском пространстве, в частности, более системно этой проблемой занимались российские исследователи после развала СССР (Гвоздкова, 1994; Система исправительно-трудовых лагерей, 1998; Бердинских, 1998; Иванова, 2015 и др.). Появились фундаментальные документальные сборники (Дети ГУЛАГа, 2002; История сталинского Гулага (в 7 томах), 2004 и др.). В современной отечественной исторической науке за более чем 30 лет появился пласт исследований по истории казахстанских лагерей ГУЛАГа (Бастемиев, 2009; Шаймуханов, Шаймуханова, 1997; Дильманов, 2002; Кукушкина, 2008; Алланиязов, 2011; Дулатбеков, 2012; Дулатбеков, 2014; Дильманов, 2019; Сактаганова, Алланиязов и др., 2022; Алланиязов, Сактаганова, 2022 и др.). Как

результат работы Госкомиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий были опубликованы сборники документов и воспоминаний (Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане: Карлаг, 2002)

Но многие вопросы так и остались недостаточно разработанными. В частности, вопрос о количестве лагерей ГУЛАГа в Казахстане в целом до сих пор остается открытым. В публикациях разных лет указывается различное количество лагерей, дислоцировавшихся в Казахской ССР. Например, в самой первой казахстанской монографии по истории Карлага обозначены 24 исправительно-трудовых лагеря в Казахстане и приведен список этих лагерей. Причем стоит отметить, что этот перечень лагерей, единственный, который был представлен авторами в их труде (Шаймуханов, Шаймуханова, 1997: 166). В списке, представленном авторами как казахстанские лагеря, содержатся некоторые неточности. Например, наряду с Карлагом под номером 2 указан в качестве отдельного лагеря АЛЖИР, не являвшийся отдельным ИТЛ, такая же неточность прослеживается в отношении Балхашлага, Кенгира – это лагерные отделения Карлага, и они не были отдельными лагерями. Под номером 11 указан Камышлаг, хотя он не являлся казахстанским лагерем, центр ИТЛ находился в Кемеровской области, а часть его отделений находилась в Омской области РСФСР. Некоторые ИТЛ названы лагерными пунктами (ЛП), например, Актюбинский ИТЛ. Из 24 наименований 17 – это названия населенных пунктов (месторасположение некоторых ИТЛ или лагерных отделений), а не названия лагерей, хотя список называется «Сталинские лагеря Казахстана». Но данные неточности имеют объективное объяснение. В 1997 г. практически все архивы лагерей были засекречены, так что найти перечень казахстанских ИТЛ было почти невозможно. И появление в республике данной работы было «первой ласточкой» в казахстанской «лагерной» историографии.

В России в 1990-х уже шла полным ходом «архивная революция», появились сборники рассекреченных документов. В Казахстане данный процесс активно стал продвигаться лишь с 2020 г. после создания Государственной комиссии и республиканских групп по полной реабилитации жертв политических репрессий.

Академик М.К. Козыбаев в одной из своих публикаций обозначает следующие данные: «на территории Казахстана находились 27 лагерей ГУЛАГа, 70 лагерей, принадлежавших Главному управлению исправительно-трудовых лагерей НКВД республики» (Козыбаев, 2000: 31).

В первой монографии профессора С.Д. Дильманова не указано количество лагерей ГУЛАГа в Казахской ССР, в целом он отмечает, что на территории Казахстана с 1930 года по 1960 гг. были дислоцированы более 60 лагерей и колоний, а также лагерных подразделений ОГПУ-НКВД-МВД СССР. Автор в монографии приводит краткий обзор 14 лагерей ГУЛАГа в республике (Дильманов, 2002: 166). В другой монографии, изданной уже в 2019 г., автор указывает, что «на территории Казахстана в 30-50-е гг. XX века дислоцированы 28 Исправительно-трудовых лагеря, лагерные отделения подразделения ОГПУ-НКВД-МВД СССР, из них 14 исправительно-трудовых лагеря, 1 лагерное отделение (самостоятельное) и 13 лагерных пунктов с общей численностью более 200 тыс. человек» (Дильманов, 2019: 110). В приложении №5 «Исправительно-трудовые лагеря, лагерные отделения и пункты ОГПУ-НКВД-МВД СССР дислоцированные на территории Казахстана в 30-е – 50-е XX века» автор приводит список из 28 наименований, из которого выпали ряд казахстанских ИТЛ (Дильманов, 2019: 583-584). В частности, Казакстанский (Казахстанский) ИТЛ (Казлаг, Казулон) – это был самый первый ИТЛ, созданный в КазССР, и хотя в тексте монографии на 89 странице автор рассказывает о создании Казлага, в свой список автор данный лагерь не включил по неизвестным нам причинам. Не указаны также лагеря и лагерные отделения, подчинявшиеся непосредственно ГУЛАГу: Прорвинский ИТЛ (Прорвлаг), Панинское ЛО (Панинлаг), Ермаковское ЛО (Ермаковлаг) и др. Из 28 наименований 13 также представляют названия населенных пунктов, обозначенные как «лагерные пункты республиканского подчинения»

(Дильманов, 2019: 584). Есть еще одна проблема, ни в одном из вышеперечисленных трудов не даны ссылки на источники, поэтому непонятно из каких публикаций, исследований, архивных или иных сводных материалов приведены эти данные по лагерям КазССР. Основная причина данных разночтений нам видится в следующем: на союзном уровне были созданы Главные управления по производственным направлениям, и каждый лагерь в зависимости от специфики подчинялся различным Главным управлениям (ГУЖДС – Главное управление железнодорожного строительства, ГУЛГМП – Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (промышленности), ГУЛПС – Главное управление лагерей промышленного строительства и др.). Среди лагерей достаточно распространенным было двойное подчинение: по вопросам производства лагерь подчинялся производственному главку, а по лагерным делам – территориальному управлению или непосредственно ГУЛАГу МВД (Система исправительно-трудовых лагерей, 1998: 84).

В казахстанских исследованиях системных данных о лагерях ГУЛАГа, дислоцировавшихся в республике, карт и таблиц по всем лагерям, обобщающих справочных пособий, к сожалению, не было опубликовано до 2022 г. (за исключением работ по лагерям военнопленных, относившихся к другой системе заключения – ГУПВИ). Авторы десятков опубликованных монографий, диссертационных работ, научных статей объектом изучения выбирали либо историю отдельных лагерей, либо небольшой части казахстанского островка архипелага ГУЛАГ.

Таким образом, можно сделать вывод, что в казахстанских сведениях, к сожалению, до начала работы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий и активной популяризации результатов работы рабочих групп Госкомиссии, имелись разночтения и пробелы в материалах по вопросу количества лагерей, местам их дислокации и т.д. Прделанная учеными работа, безусловно, проявила новые системные данные о казахстанских лагерях ГУЛАГа, но требуется продолжение разработки глубоких, многолетних и кропотливых исследований.

Нами в процессе исследования и сопоставления материалов по данным российского справочника по ГУЛАГу в период с 1930 по 1956 гг., а также трехлетней работы в Государственном архиве Российской Федерации выявлено, что в Казахстане находились 22 ИТЛ ГУЛАГА НКВД-МВД СССР. Речь идет о лагерях и лагерных отделениях, подчинявшихся непосредственно и напрямую ГУЛАГу (не республиканским силовым структурам). Более подробно выяснить названия и дислокацию лагерей можно по публикациям автора данной статьи (Сактаганова, 2022). Не исключено, что в ходе дальнейших исследований при изучении ведомственных и спецархивов, более масштабного рассекречивания документов архивов силовых структур (МВД, КНБ РК), небольшая часть которых только начинает рассекречиваться, данные по количеству лагерей будут уточняться и дополняться.

Результаты исследования. Террор, репрессии, принуждение как максимально эффективные средства решения многих задач нашли отражение в сфере законодательства. Была подготовлена правовая база для проведения массовых репрессий. Значительную часть заключенных в ИТЛ составляли осужденные по так называемым «уголовным» статьям, однако следует иметь в виду, что зачастую граница между «политическими» и «уголовниками» была достаточно условной, поскольку Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. был сформирован во многом политическими соображениями власти. Кроме того немалая часть заключенных «сидела» в тюрьмах и лагерях, будучи осужденными на основании приказов ОГПУ (в частности, Приказ ОГПУ №44/21 «О ликвидации кулака как класса» от 2 февраля 1930 г.; Приказ ОГПУ от 14 сентября 1932 г. №898с «Секретная Инструкция по применению Постановления ЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. »), постановлений партии и правительства (например, Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической собственности)» или как называли его в народе «Закон

о 5(7) колосках»); указов Президиума Верховного Совета СССР (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений»; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей») и др. По нашему мнению, осужденных по «Закону о 5 колосках» или из-за мер по ужесточению трудовой дисциплины в 1940-х гг. (приведших к наплыву сотен тысяч заключенных в ИТЛ) следует также воспринимать как жертв политических репрессий. Поэтому количество людей, оказавшихся в лагерях, подвергнутых политическим репрессиям, гораздо больше осужденных по 58 статье УК РСФСР 1926 г. Абсолютное большинство репрессированных проходили по статье 58 и 59 УК РСФСР. Но в данной статье мы ставим целью проанализировать количество заключенных за «контрреволюционные преступления», то есть, по 58 статье УК РСФСР в казахстанских лагерях ГУЛАГа на примере Карлага, как самого большого из ИТЛ в республике.

По материалам советских нормативно-правовых актов можно проследить, как изменялось уголовное законодательство в 1920-1930-е годы, как ужесточались меры наказания за «антисоветские действия». Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. ввел юридическую формулировку «контрреволюционное преступление», под ним понималось «всякое действие, направленное на свержение советской власти» (Уголовный кодекс, 1922). Новый УК повышал предел наказания лишением свободы до 10 лет. Все дела о контрреволюционных преступлениях, а также дела о правонарушениях религиозного характера (по ст. 119 УК РСФСР) подлежали исключительному ведению революционных трибуналов.

В редакции 1926 г. в особенной части УК РСФСР к государственным преступлениям относят контрреволюционные преступления, где они выделены в отдельную главу (статья 58.1-18) (Уголовный кодекс, 1926). Из 17 подпунктов 58-й статьи (58.2-58.18) в 13 подпунктах (кроме 58.12, 58.15, 58.17) предусматривалась высшая мера наказания – расстрел. С 1934 г. изменения в уголовном законодательстве становятся систематическими и все более далекими от действительно правовой основы. В 1937 г. органам НКВД было официально разрешено применять к арестованным «физические меры воздействия» (то есть, было узаконено применение пыток), была исключена возможность обжалования приговоров и смертные приговоры стали исполняться немедленно (Политические репрессии, 1998). В Казахстане (как часть РСФСР до 1936 г.) осуждение осуществлялось по УК РСФСР 1926 г.

Постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г., утвердило Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления). 25 февраля 1927 г. ЦИК СССР утвердил для включения в кодексы союзных республик «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)». Данное Положение вошло в уголовные кодексы всех союзных республик и действовало с изменениями и дополнениями до конца 1958 г., став юридической базой для применения политических репрессий. 8 июня 1934 г. ЦИК СССР дополнил Положение о преступлениях государственных статьями об измене Родине, т.е. действий, совершенных гражданами СССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории (шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу). Измена Родине каралась высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества. Постепенно принятием новых партийных

и правительственных постановлений и других нормативно-правовых актов контингент, который входил в категорию политзаключенные все увеличивался.

Постановление ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине» ужесточило наказание. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г. решен вопрос «о заключении в лагеря на 5-8 лет всех жен осужденных изменников родины членов правотроцкистской шпионско-диверсионной организации, согласно представленному списку. Предполагалось организовать для этого специальные лагеря в Нарымском крае и Тургайском районе Казахстана. 15 августа 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД, по которому местные органы НКВД были обязаны арестовать и судить через Особое совещание на срок не менее 5-8 лет лишения свободы всех жен «изменников родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций», осужденных после 1 августа 1936 г., а также их «социально опасных и способных к антисоветским действиям» детей старше 15 лет. По секретному постановлению ГКО от 24 июня 1942 г. был определен порядок, по которому репрессиям подвергались семьи лиц, осужденных к высшей мере наказания по статье 58-1а. С 1937 г. в лагерях ГУЛАГа значительную часть контингента составили ЧСИР – члены семей изменников родины (нормативно-правовая база для осуждения данного контингента рассмотрена выше). Появились специальные лагеря/лагерные отделения для данного контингента осужденных (в Казахстане – АЛЖИР).

В годы Великой Отечественной войны в ИТЛ появился новый контингент осужденных – «каторжники». В 1943 г. Верховный суд получил право применять в отношении осужденных, приговоренных к смертной казни за измену Родине, ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Основная масса «изменников» была осуждена без правовых оснований и состояла из участников антисоветских, церковных, профашистских и иных подобных организаций, из «националистов», «террористов» и других граждан, впоследствии реабилитированных за отсутствием в их действиях состава преступления. Положение «каторжников» было более тяжелым, чем у других осужденных.

В 1948 г. в системе ГУЛАГа появились особые лагеря, которые стали важнейшим инструментом карательной политики до 1954 г. Особые лагеря – это система особых лагерей ГУЛАГа для политзаключенных. Эти лагеря создавались для содержания осужденных к лишению свободы «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп, и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности» (Иванова, 2015:326-327). По сравнению с обычными ИТЛ, в особых лагерях вводились повышенные меры охраны, запрещались все льготы, например, такие как сокращение сроков наказания. Заключенных этих лагерей предписывалось использовать только на тяжелой физической работе, причем, за свой труд они не должны были получать никакого вознаграждения. В послевоенный период были образованы 12 таких лагерей, дислоцировавшихся только на территории РСФСР (8 особлагеря) и Казахстана (4 особых лагеря) (Особлагеря в Казахстане, 2014: 1005). Весной 1954 г. (после ряда восстаний в особлагерях) они были преобразованы в обычные ИТЛ. Все отбывающие наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионы, диверсанты, террористы, участники других антисоветских организаций и групп по истечении срока наказания направлялись в ссылку на поселение под надзор органов МГБ в район Колымы на Дальнем Севере; в районы Красноярского края и Новосибирской области; в Казахскую ССР, за исключением Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей. (История сталинского Гулага. Т.1, 2004: 570)

После смерти И.Сталина начался процесс «восстановления социалистической законности», когда были отменены большинство указов и постановлений 1930-х – 1940-х гг., служившие нормативно-правовой базой политических репрессий. Таким образом, краткий обзор нормативно-правовых актов по лагерям ГУЛАГа свидетельствует, что принятые различные постановления, указы, приказы и др. грубо попирали конституционные права граждан СССР.

В 1920-х – 1930-х гг. в СССР по политическим мотивам было осуждено более 3 млн. человек, из них в 20-е гг. – 14,5% (416 932 человека) и в 30-е гг. – 86,5% (2 663 642 осужденных). По В.Н. Земскову: «число осужденных по политическим мотивам (за «контрреволюционные преступления») в СССР за период с 1921 г. по 1953 г., то есть за 33 года, составило около 3,8 млн. человек». «В феврале 1954 г. на имя Н.С. Хрущёва была подготовлена справка, ... в которой называлось число осужденных за контрреволюционные преступления за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. Всего за этот период было осуждено Коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3777380 человек, в том числе к высшей мере наказания – 642980, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже – 2369220, в ссылку и высылку – 765180 человек» (Земсков, 1991: 3-16). В начале 1953 г. по статье «за антисоветскую агитацию и пропаганду» были осуждены и находились в лагерях, тюрьмах, колониях и на этапах более 0,5 млн. человек.

Рассмотрим контингент политзаключенных в Карлаге. Нами отслежены данные по количеству осужденных по 58-й статье и отбывавших срок в Карлаге. Таблица носит сводный характер, и данные взяты, как из документов фонда Р-9414 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), из справочника по лагерям ГУЛАГа (Система исправительно-трудовых лагерей, 1998) и из уже опубликованных исследований (Дулатбеков и др., 2012: 243-259).

Таблица 1. Количество заключенных в Карлаге, осужденных за контрреволюционные преступления (ст. 58) в 1932-1959 гг.

Даты	Общее количество заключенных в Карлаге	Осужденные за контрреволюционные преступления (58 статья)	%	Ссылка на источник: ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1.
1932 г.	10233	Данные не найдены	Данные не найдены	Д.2740. Л.4
на 1 января 1938 г.	31548	7364	23,3%	Д.1139. Л.176, 259
на 1 июля 1938 г.	40109/ 40508 ¹	15392/ 20556 ¹	38,4%/ 50% ¹	Д.1139. Л.241
на 1 января 1943 г.	45798*	18891	47,1%	Д.369. Л.111
на 1 января 1944 г.	50080	20552	41,0%	Д.1155.Л.53. Д.369. Л.111
на 1 января 1945 г.	53946*	28005	52,6%	Д.369. Л.111
на 1 января 1946 г.	61151	34279	65,8%	Д.80. Л.8. Д.369. Л.111
на 1 января 1947 г.	60745*	35180	62,8%	Д.369. Л.111
на 1 января 1948 г.	63555*	31356/ 34074*	53,3%/ 53,6 %	Д.369. Л.111
на 1 января 1949 г.	65673	25834	39,7%	Д.1321. Л.2. Д.369. Л.111
на 1 января 1950 г.	52709	20346	38,6%	Д.369. Л.111
на 1 октября 1950 г.	47028	19246	40,9%	Д.369. Л.108

1951 г.	43105	14777	34,3%	Д.451. Л.247
на 1 января 1952 г.	42296	13648	32,3%	Д.509. Л.34
на 1 октября 1953 г.	27295	12782	46,8%	Д.719. Л.102
на 1 января 1955 г.	24793	14766	59,5%	Д.1414.Л.303. Д.240. Л.6
на 1 января 1956 г.	24793	10682	43,1%	Д.1414.Л.10
На 1 июля 1956 г.	23218 ¹	4949 ¹	4,9% ¹	
на 10 февраля 1958 г.	19745	1278	6,5%	Д.837.Л.9
на 1 ноября 1958 г.	17324 ¹	736 ¹	4,25% ¹	
на 1 января 1959 г.	16956	61	0,4%	Д.1429.Л.4
Значком * отмечены данные, взятые из справочника (Система исправительно-трудовых лагерей, 1998: 285) · Значком ¹ отмечены данные, взятые из Очерков по истории Карлага (Дулатбеков и др., 2012: 259). Материалы из архивов даны в отдельном столбце.				

Иногда / нередко данные по общей численности и контингенту политзаключенных расходятся (см. на 1 июля 1938 г., на 1 января 1948 г.) в зависимости от источника цитирования. Анализ данных таблицы позволяет вывести ряд закономерностей. В заключительной части по контингенту заключенных Карлага авторами «Очерков» сделаны анализ количественных данных и выводы по ним. Позволим себе процитировать часть из данных фрагментов.

Из общего числа 31548 заключенных на 1 января 1938 г. в Карлаге находилось 7364 осужденных за контрреволюционные преступления или 23,3%. В июле эти пропорции резко возросли. Из 40508 заключенных, осужденных по политическим преступлениям, насчитывалось 20556 человек, то есть 50%. (Дулатбеков и др., 2012: 259)

Считаем возможным добавить к выводам авторов следующее: в декабре 1937 г. было создано Акмолинское спецотделение Карлага ГКВД – АЛЖИР. Первый этап прибыл 6 января (по другим данным 10 января) 1938 г., в целом в АЛЖИРе отбывали срок около 8000 женщин – ЧСИР – членов семей изменников родины (по данным Музейно-мемориального комплекса «Алжир»), которых следует отнести к политическим заключенным. По другим данным в Карлаге в 1938-1946 гг. отбывали наказание около 6500 женщин ЧСИР. Из них более 4546 прошли через АЛЖИР и были осуждены как ЧСИР, остальные 834 – по другим политическим обвинениям. Кроме того 1879 женщин ЧСИР отбывали свои сроки в других отделениях Карлага. Хотя они были осуждены не по 58 статье, а по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г., тем не менее они являлись политическими заключенными. Поэтому, безусловно, если к данным по осужденным по 58 статье добавить число заключенных – ЧСИР, то не только абсолютное число политзаключенных, но и процентный состав их резко возрастет.

С января 1943 по январь 1944 гг. количество заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, возросло в абсолютных числах (с 18891 до 20552), но снизилось в относительных числах (47,1% до 41,0%). С января 1945 года по январь 1947 года резко возрастает число заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления (28005, 34279 и 35180 человек соответственно). Пик числа заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, достиг своего максимума в январе 1947 г. – 35180 человек. Однако в процентном отношении максимальным являлся январь 1946 года – 65,8%. В 1948 г. в Карлаге находилось 31180 человек, осужденных за контрреволюционные преступления. В 1950 году их число снизилось до 19246 человек. С января 1948 года по январь 1950 года идет снижение численности заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, как в абсолютных цифрах, так и в относительных. Это объясняется переводом части заключенных данной категории в Особые лагеря. (Дулатбеков и др., 2012: 259)

Данные о политзаключенных Карлага за период 1943-1950 гг. авторами взяты из архивной справки, подготовленной специалистами ГУЛАГа. Мы работали с данной

справкой в архиве, но такая выборка нам не встречалась в архиве по более ранним годам, например, в 1930-х гг., где сведения по лагерям расходятся иногда даже в месячных сводках.

В период с 1951 по 1956 г. идет дальнейшее, хотя и медленное, снижение численности заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления – с 14777 человек до 10682 человек. И лишь с июля 1956 г. начинается резкое снижение числа данной категории заключенных – с 4949 до 1278 человек в феврале 1958. В ноябре 1958 г. на 17324 заключенных «контрреволюционеры» составляли 736 человек, а в январе 1959 г. их осталось всего 61 человек.

В общей массе заключенных Карлага, осужденные за контрреволюционные преступления, преобладали лишь в 1938 г. и в период с января 1945 по январь 1948 гг. В остальные годы в составе заключенных преобладали обычные уголовники, разбавленные лицами за должностные, имущественные и тому подобными преступлениями... Динамика численности и состава заключенных Карлага за период его существования: а) менялась в зависимости от причин, обусловленных целым рядом факторов как политического, так и экономического свойства; б) в основном отражала соответствующую динамику в целом по ГУЛАГУ. (Дулатбеков и др., 2012: 259)

Количество политзаключенных в особых лагерях было преобладающим. В Степном лагере в 1949 г. в лагере находилось 23125 заключенных, на 1 июля 1953 г. – 20731 заключенных. Самое большое количество осужденных в Степном лагере было по ст. 58-1 «Измена Родине» УК РСФСР, они в 1953 г. составляли около 75% всех заключенных, но это лишь один подпункт 58 статьи. В Песчанлаге наибольшее число заключенных было в 1952 г. – 39612 заключенных, из них 38854 были осуждены за контрреволюционные преступления (98%). В Луговом лагере в 1951 г. списочное число заключенных было 11205 заключенных, самое большое количество заключенных было осуждено по статье «Измена Родине» (до 60% заключенных), на втором месте – «антисоветская агитация» (около 10%) и др. Контингент заключенных Дальнего лагеря на 1 июля 1952 г. – 3071 человек, на 5 мая 1953 г. из 2667 заключенных за контрреволюционные преступления были осуждены 2662 (98%).

Условия содержания заключенных были невыносимые, они зафиксированы в лагерной делопроизводственной документации (актах, отчетах, переписках, докладных записках и других архивных материалах). И практически условия жизни, содержания, работы осужденных одинаковы во всех лагерях ГУЛАГа, в том числе и казахстанских ИТЛ. Как отмечают исследователи, в лагерях ГУЛАГа «питанием стимулировали труд и поведение заключенных, им же и наказывали. Продовольственная политика состояла в том, чтобы держать людей в полуголодном состоянии. Возбуждая надежды на небольшое улучшение питания, заключенным давали «стимул» для увеличения выработки. За дополнительные сто граммов хлеба и кусок рыбы заключенные старались до изнеможения» (Дильманов, 2002: 142). Дадим характеристику условий содержания, лагерной жизни и лагерной повседневности по материалам архивных фондов.

Спасское лагподразделение Степлага МВД, 1949 г. «Во всех жилых бараках отмечается скученность в размещении заключённых; свыше 1000 человек не имеют спальных мест и вынуждены в ночное время спать на полу: например, в помещении клуба спит на полу 397 человек. Хозобустройство бараков явно неудовлетворительное: столов, скамеек, тумбочек, вешалок, умывальников в большинстве секции нет. Кипяченая вода отсутствует уже в течение трех месяцев, как из-за недостатка топлива, так и в связи с неисправностью кипятилки. В женской зоне, в бараке №35, состоящем из четырех секций, отмечается большая скученность: например, в секции № 4 на 80 местах проживает 128 человек, в секции № 2 – на 250 местах лежит 304 заключенных. Бараки также не обустроены. Ложек, мисок недостаточно. Комнат гигиены нет. Амбулатории в женской зоне нет, в связи с чем медобслуживание женщин поставлено неудовлетворительно: так например, в секции №4 в течение 4 дней лежит с высокой температурой (до 40 [градусов])

больная заключенная Михайлова В.И., осужденная по ст. 58-1-а, сроком на 10 лет, не имея никакой медицинской помощи. От женщин заключённых поступили жалобы: о неполучении мыла в течение 2-3 месяцев, на отсутствие комнат гигиены, кипяченой, горячей воды, на большую скученность, загрязненность верхней одежды, выдаваемой из вещкоптерки. При проверке оказалось, что действительно выданные телогрейки очень грязные, имеют новые заплатки, по которым можно судить, что они выданы из вещкоптерки после ремонта. Поступила также жалоба об избиении некоторых женщин-заключенных солдатами из охраны. Часть заключенных, как мужчин, так и женщин совершенно не имеют постельных принадлежностей, спят на голых нарах и даже на полу, не имея бытовых мат. Баня и дезокамера не работали в течение 18 дней из-за отсутствия топлива. Баня и дезокамера по своей пропускной способности не в состоянии обеспечить нормальную санобработку находящегося в лагподразделении контингента, обменного фонда белья при бане нет. Качество стирки белья низкое, в связи с чем у значительной части заключенных нательное и верхнее платье грязные, часть же заключенных вообще не имеет нательного белья».

В докладной записке констатируется, что «кухня содержится в удовлетворительном санитарном состоянии», но в дальнейшей характеристике понятно, что это совершенно далеко от реального положения дел. «Недостатком является лишь проникновение гнилостных разложившихся газов в помещение разделочных из выгребов помойной ямы, что создает в них неприятный зловонный воздух. Вблизи кухни в 10-12 метрах находится наполненный выгреб помойной ямы, раскрытый, требующий быстрой очистки и ремонта канализационной системы. По своей пропускной способности кухня не удовлетворяет потребности, так как рассчитана на обслуживание максимум 3000 человек. Приготавливаемая пища состоит главным образом из крупяных блюд. С 1 мая овощи (квашенные и картофель) отсутствуют. Из витаминносителей имеется один лук, выдаваемый как приправа. Питание однообразное, недостаточно калорийное. На обед – жидкое в количестве 750 гр, второе блюдо – 200 гр каши; на завтрак и ужин выдается лишь одно жидкое блюдо. При пропускной способности столовой в 90 человек одновременно, мисок имеется всего лишь 60; ложек нет совершенно. Качество больничного питания неполноценное в виду перебоев в снабжении мясом, овощами и отсутствия молочных продуктов, в силу чего каллораж, установленный для питания не достигается (по норме – 3500 калл., фактически – 2300 калл).

Больные-заключенные размещены на двухъярусных сплошных нарах частично на топчанах и нарах вагонного типа; 170 больных из-за отсутствия мест лежат на полу, на матрацах. Железных кроватей нет совершенно. Постельные принадлежности (простыни, одеяла) и нательное белье у больных грязные. Отмечается крайний недостаток медикаментов, особенно сердечных средств; нет хирургического шелка. Необходимо отметить, что имеется тенденция роста заболеваемости среди заключенных, о чем свидетельствует тот факт, что по состоянию на 20 апреля с.г., в больнице находилось 86 больных, на день же обследования 6 мая – больных было уже 1058 человек. Если к тому же учесть, что не все нуждающиеся в госпитализации помещены в больницу, то количество стационарных больных будет значительно больше. Регулярно два раза в неделю производится обыски заключенных. Упорядочена вечерняя проверка заключенных, которая проводится ежедневно по бригадным спискам. Заключенные особой категории имеют соответствующие номера, присвоенные по личному делу, которые пришиты на верхней одежде». (ГАРФ, 1858: 199, 352).

Карагандинский лагерь, 1952 г. «В Карагандинском ИТЛ в некоторых лагподразделениях, особенно в штрафных лагерных пунктах, секции и бараки находились в антисанитарном состоянии, больные заключенные не были изолированы от здоровых, не хватало постельной принадлежности, обмундирования, скученное размещение и др. Неудовлетворительное состояние санитарно-бытовых условий заключенных имело место и в других лагподразделениях Степного, Песчаного лагерей и подразделениях УИТЛК

МВД КССР. Только за последние 4 месяца 1952 г. в МВД СССР поступило из подразделений УИТЛК, Песчаного, Степного и Дальнего лагерей около тысячи жалоб и заявлений, из них значительное количество о нарушениях режима содержания заключенных злоупотреблениях, плохом медицинском обслуживании, розыске посылок и денежных переводов и другим вопросам, связанным с недостатками в работе указанных выше лагерей и колоний МВД». (ГАРФ, 675: 37).

Повторные репрессии заключенных лагерей ГУЛАГа за «политические преступления». Осенью 1948 г. на основании секретной директивы МГБ и Генерального Прокурора начались повторные аресты тех, кто успел выйти на свободу. Всем «повторникам» обвинение предъявлялось по тем же статьям, по которым они уже отбыли наказание. Следствие по этим делам проводилось упрощенно, без проверки прежних доказательств. Этот указ и его практика грубо нарушали законодательство, противоречили основным принципам уголовного права: 1. Повторному наказанию подвергались люди, не совершившие никакого преступления. 2. Вторично давали срок за одно и то же «преступление». 3. Все виды уголовного наказания в УК РСФСР имели определенный срок, бессрочной ссылки или пожизненного заключения быть не могло. Ссылка в качестве дополнительного наказания могла применяться на срок не выше 5 лет. Этот принцип также нарушался. Увеличилось число заключенных в лагерях. Появились «двойные виды» наказаний: лагерь плюс ссылка или лишение в правах на 10 лет. Такого рода формы наказания выносились осужденным по 58-й статье УК, отбывшим свой срок и «особо опасным государственным преступникам». Определенная категория заключенных лагерей после отбытия срока наказания автоматически отправлялась в ссылку на поселение в отдаленные районы (Колыма, Красноярский край, Новосибирская область, Казахстан). Этот указ наделялся обратной силой и распространялся на тех, кто уже успел освободиться в интервале между окончанием войны и выходом указа. Повторные аресты начались с осени 1948 г. За год около 22 тысяч человек попали под действие указа от 21 февраля 1948 г. Власти без формального осуждения увеличивали десяткам тысяч заключенных, осужденных по 58-й статье, срок наказания еще на 10 лет. Отменили данный указ только 10 марта 1956 г. (Иванова, 2015: 85-86). К марту 1953 г. в лагерях содержалось около 2,5 млн. заключенных, а в ссылке – 2,75 млн. спецпоселенцев.

Как уже отмечалось выше, сроки наказания политических заключенных в ИТЛ значительно «удлинились». В казахстанских лагерях, как и в других, в 1930-х – 1940-х гг. давались дополнительные сроки тем, кто еще не успел выйти на свободу, как правило, осужденных за «контрреволюционные преступления». Удлинение срока происходило за счет повторных сроков по УК РСФСР. Всем «повторникам» обвинение предъявлялось по тем же статьям, по которым зачастую они еще отбывали наказание. К сожалению, нам не удалось найти в ГАРФ (фонд Р-9414 – Главное управление мест заключения) данных по повторным срокам. Однако сотни людей в своих воспоминаниях утверждают о получении повторных сроков. Исходя из принципа имеющих частных фактов, можно сделать вывод о том, что эти процессы имело место не так уж и редко. Количество заключенных повторно репрессированных в казахстанских лагерях приблизительно составляло до 15%. Но уточнение данных требует специальных и дополнительных многолетних разработок.

Заключение. Советская карательная система формировалась с первых годов установления советской власти и стала одним из главных инструментов и механизмов репрессивной политики. Неправовые, незаконные действия силовых ведомств на основании данных актов, заключение в лагеря осужденных и их нахождение там были свидетельством антигуманной и антиконституционной репрессивной политики советского государства. Отличительными чертами карательной системы стал принудительный труд и преимущественное содержание заключенных не в тюрьмах, а в лагерях. В них кроме заключенных по уголовным статьям находились осужденные по политическим мотивам, составлявшим определенную/значительную часть лагерных заключенных.

Количество «политических» заключенных в казахстанских лагерях ГУЛАГа можно представить весьма приблизительно (поскольку изучение данной проблемы требует длительных по времени дополнительных изысканий). Через казахстанские лагеря ГУЛАГа с 1930 по 1959 гг. по нашим приблизительным расчетам прошло около 1200000 заключенных, осужденных, как по уголовным, так и политическим статьям. Только через Карлаг с 1931 по 1959 гг. прошло около 1 миллиона заключенных, это подтверждает картотека, которая находилась в архиве Управления Комитета правовой статистики и специальным учетом Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан по Карагандинской области. Подсчеты, которые были проведены нами по лагерям республики за годы их существования (с учетом имевшейся и доступной для нас статистики) позволяют в качестве гипотезы высказать следующий тезис: число политических заключенных за все годы функционирования казахстанских лагерей ГУЛАГа (1930-1959 гг.) составило около 30%.

Если иметь ввиду возможные перемещения из казахстанских лагерей в лагеря других республик и обратно (они имели место и порой достаточно масштабные), только через особые лагеря КССР прошли более 77 тысяч заключенных по политическим статьям. Кроме того, в Карлаге с июля 1938 г. по 1 января 1956 гг. более 40% заключенных (за исключением 1951-1952 гг.) были осуждены по политическим мотивам, а за 6 лет (1938, 1945-1948 и 1955 гг.) даже более 50% осужденных. Если сюда прибавить контингент политических заключенных оставшихся казахстанских лагерей, считаем, что предложенный нами вариант 30% осужденных по политическим мотивам приближен к реальным цифрам.

Список литературы и источников:

Bacon Ed. The Gulag at War: Stalins Forced Labour Sistem in the Light of the Archives. New York: New York University Press, 1994. 190 p.

Barnes S.A. Death and redemption. The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton : Princeton University Press, 2011. 368 p.

Dallin D.J., Nicolaevsky B.I. Forced labor in Soviet Russia. New Haven: Yale Univesity Press, 1947. 331 p.

Mora S., Zwierniak P. La Justice Sovietique. Magi-Spinetti Editeurs. Rome, 1945. 344 p.

Stark M. Frauen im Gulag: Alltag und Überleben 1936-1956. München, 2003. 568 p.

Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М. Очерки истории Степного лагеря МВД СССР (1948–1956 гг.). Караганда: Карагандинский университет «Болашак», 2011. 808 с.

Алланиязов Т.К., Сактаганова З.Г. Детские учреждения в Карлаге// Вестник Карагандинского Университета. Серия История. Философия. 2023. №1 (109). С. 127-143.

Бастемиев С.К. Исправительные учреждения Казахстана (историко-правовой аспект): монография. Павлодар: Кереку, 2009. 258 с.

Бердинских В. Вятлаг. Киров, 1998. 320 с.

Гвоздкова Л.И. Принудительный труд: исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50-е гг.). Кемерово, 1994. 248 с.

Дети ГУЛАГа. 1918-1956 / под. ред. А. Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. Москва: МФД, 2002. 631 с.

Дильманов С.Д. Исправительно-трудовые лагеря и лагеря военнопленных НКВД-МВД СССР на территории Казахстана (30-е – 50-е годы XX века). Специальные лагеря НКВД МВД СССР в 40-е XX века. Астана: Национальный университет обороны им. Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, 2019. 644 с.

Дильманов С.Д. Исправительно-трудовые лагеря НКВД-МВД СССР на территории Казахстана (30-е – 50-е годы XX- века). Алматы: 2002. 344 с.

Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М., Жунусова Б.А. Очерки истории Карагандинского исправительно-трудового лагеря ОГПУ-НКВД-МВД СССР (1931–1959). Караганда: Карагандинский университет «Болашак», 2012. 831 с.

Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М., Жунусова Б.А., Фалежинская И.Ю. Особлаги в Казахстане: Степной. Песчаный. Луговой. Дальний. Алматы, 2014. 1005 с.

Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект)// Социологические исследования. 1991. № 6. С.10–27; № 7. С. 3–16.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918-1958. М.: РОСПЭН, 2015. 415 с.

Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 6: Составители тома: З.Г. Сактаганова, А.У. Аупенцова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. Астана, 2022. 488 с.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т.2. Карательная система: структура и кадры/ М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Гос. архив РФ, Гуверовский ин-т войны, революции и мира, отв. ред. и сост. Н.В. Петров, отв. сост. Н.И. Владимирцев. М.: РОССПЭН, 2004.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Гос. архив РФ, Гуверовский ин-т войны, революции и мира, отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко, отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004. 730 с.

Козыбаев М.К. Правоохранительные органы и общество // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В двух книгах. Книг вторая. Алматы: Ғылым, 2000. 388 с.

Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников Родины»: история и судьбы. Караганда, 2008. 248 с.

Особлаги в Казахстане: Степной. Песчаный. Луговой. Дальний. Под общ.ред. Дулатбекова Н.О. Алматы, 2014. 1005 с.

Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг. Сборник документов. Алматы, 1998. 336 с.

Сактаганова З.Г. Лагеря ГУЛАГа в Казахстане: об этапах истории создания и функционирования // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. 2022. №1 (105). С.144-154.

Сактаганова З.Г., Алланиязов Т.К., Тобылов А. К историографии проблемы «Дети в казахстанских лагерях ГУЛАГа»// Вестник Карагандинского Университета. Серия История. Философия. 2022. № 4 (108). С. 227-238.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник / Общ-во «Мемориал», ГАРФ. Состав. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. 600 с.

Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956. Paris: YMCA-PRESS, 1990. 608 с.

Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. // <http://museumreforms.ru/node/13973>

Уголовный кодекс РСФСР от 1922 г. // https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22

Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. Караганда, 1997. 175 с.

Эпплбаум Э. ГУЛАГ. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2023. 688 с.

Яковлев Б.А. Концентрационные лагеря СССР. London: Ontario, 1983. 255 p.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 675. Л. 37.

ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1858. Л. 199, 352.

References

- Bacon Ed. *The Gulag at War: Stalins Forced Labour Sistem in the Light of the Archives*. New York: New York University Press, 1994. 190 p.
- Barnes S.A. *Death and redemption. The Gulag and the Shaping of Soviet Society*. Princeton : Princeton University Press, 2011. 368 p.
- Dallin D.J., Nicolaevsky B.I. *Forced labor in Soviet Russia*. New Haven: Yale Univesity Press, 1947. 331 p.
- Mora S., Zwierniak P. *La Justice Sovietique*. Magi-Spinetti Editeurs. Rome, 1945. 344 p.
- Stark M. *Frauen im Gulag: Alltag und Überleben 1936-1956*. München, 2003. 568 p.
- Allaniyazov T.K., Zhumadilova N.T., Bajmurnov Zh.M. *Ocherki istorii Stepnogo lagerya MVD SSSR (1948–1956 gg.)*. [Essays on the history of the Steppe camp of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (1948–1956).]. Karaganda: Karagandinskij universitet «Bolashak», 2011. 808 s.
- Allaniyazov T.K., Saktaganova Z.G. *Detskie uchrezhdeniya v Karlage* [Children's institutions in Karlag] // *Vestnik Karagandinskogo Universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya*. 2023. №1 (109). S.127-143. [in Russian].
- Bastemiev S.K. *Ispravitel'nye uchrezhdeniya Kazahstana (istoriko-pravovoj aspekt): monografiya* [Correctional institutions of Kazakhstan (historical and legal aspect): monograph]. Pavlodar: Kereku, 2009. 258 s. [in Russian].
- Berdinskih V. *Vyatlag*. [Vyatlag]. Kirov, 1998. 320 s. [in Russian].
- Gvozdkova L.I. *Prinuditel'nyj trud: ispravitel'no-trudovye lagerya v Kuzbasse (30-50-e gg.)*. Kemerovo, 1994. 248 s. [in Russian].
- Deti GULAGa. 1918-1956/* [Children of the Gulag. 1918-1956] / pod. red. A. N. Yakovleva; sost. S.S. Vilenskij i dr. Moskva: MFD, 2002. 631 s. [in Russian].
- Dil'manov S.D. *Ispravitel'no-trudovye lagerya i lagerya voennoplennyh NKVD-MVD SSSR na territorii Kazahstana (30-e – 50-e gody XX veka)*. *Special'nye lagerya NKVD MVD SSSR v 40-e HH veka*. [POW camp NKVD-MVD USSR on territories of Kazakhstan (30th-50th century). Special camp NKVD MVD USSR in the 40th XX century]. Astana: Nacional'nyj universitet oborony im. Pervogo Prezidenta Respubliki Kazahstan – Elbasy, 2019. 644 str. [in Russian].
- Dil'manov S.D. *Ispravitel'no-trudovye lagerya NKVD-MVD SSSR na territorii Kazahstana (30-e – 50-e gody XX veka)*. [The NKVD-MVD of the USSR on the territories of Kazakhstan (30-th – 50-th year - th-century)]. Almaty: 2002. 344 str. [in Russian].
- Dulatbekov N.O., Allaniyazov T.K., Zhumadilova N.T., Bajmurnov Zh.M., Zhunusova B.A. *Ocherki istorii Karagandinskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya OGPU-NKVD-MVD SSSR (1931–1959)*. [Outline stories Karagandin ISP government - labor camp OGPU-NKVD – MVD USSR (1931-1959)]. Karaganda: Karagandinskij universitet «Bolashak», 2012. 831 s. [in Russian].
- Dulatbekov N.O., Allaniyazov T.K., Zhumadilova N.T., Bajmurnov Zh.M., Zhunusova B.A., Falezhinskaya I.Yu. *Osoblgi v Kazahstane: Stepnoj. Peschanyj. Lugovoj. Dal'nij*. [Special camps in Kazakhstan: Steppe. Sandy. Lugovoy. Further.]. Almaty, 2014. 1005 s. [in Russian].
- Zemskov V.N. *GULAG (istoriko-sociologicheskij aspekt)* // *Sociologicheskie issledovaniya*. [Gulag (historical-sociological aspect)]. 1991. № 6. S.10–27; № 7. S. 3–16. [in Russian].
- Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa: 1918-1958*. [History Of Gulaga: 1918-1958.]. M.: ROСПEN, 2015. 415 s. [in Russian].
- Ispravitel'no-trudovye lagerya v Kazahstane: Karlag. Sbornik dokumentov i materialov. Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50 gody HH veka)*. [Correctional labor camps in Kazakhstan: Karlag. Collection of documents and materials. Materials of the State Commission for the Complete rehabilitation of victims of political repression (20-50 years of the twentieth century)]. T. 6: *Sostaviteli toma: Z.G. Saktaganova, A.U. Aupenova / Pod obshch. red. E.T. Karina*. Astana, 2022. 488 s. [in Russian].

Istoriya stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h – pervaya polovina 1950-h godov: Sobranie dokumentov v 7 t. [The history of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s - the first half of the 1950s: A collection of documents in 7 volumes.]. T.2. Karatel'naya sistema: struktura i kadry/ M-vo kul'tury i massovyh kommunikacij RF, Feder. arhiv. agentstvo, Gos. arhiv RF, Guverovskij in-t vojny, revolyucii i mira, otv. red. i sost. N.V. Petrov, otv. sost. N.I. Vladimircev. M.: ROSSPEN, 2004. S.23. [in Russian].

Istoriya stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h – pervaya polovina 1950-h godov: Sobranie dokumentov v 7 t. [The history of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s - the first half of the 1950s: A collection of documents in 7 volumes.]. T. 1. Massovye repressii v SSSR / M-vo kul'tury i massovyh kommunikacij RF, Feder. arhiv. agentstvo, Gos. arhiv RF, Guverovskij in-t vojny, revolyucii i mira, otv. red. N. Vert, S.V. Mironenko, otv. sost. I.A. Zyuzina. M.: ROSSPEN, 2004. 730 s. [in Russian].

Kozybaev M.K. Pravoohranitel'nye organy i obshchestvo//Kazakhstan na rubezhe vekov: razmyshleniya i poiski. V dvuh knigah. [Law enforcement agencies and society//Kazakhstan at the turn of the century: reflections and searches. In two books]. Knig vtoraya. Almaty: Fylym, 2000. 388 s. [in Russian].

Kukushkina A.R. Akmolinskij lager' zhen «izmennikov Rodiny»: istoriya i sud'by. [Akmola camp of wives of "traitors to the Motherland": history and destinies]. – Karaganda, 2008. – 248 s. [in Russian].

Osoblagi v Kazahstane: Stepnoj. Peschanyj. Lugovoj. Dal'nij. Pod obshch.red. Dulatbekova N.O. Almaty, 2014. 1005 s. [in Russian].

Politicheskie repressii v Kazahstane v 1937-1938 gg. Sbornik dokumentov. [Political repression in Kazakhstan in 1937-1938. Collection of documents]. Almaty, 1998. 336 s. [in Russian].

Saktaganova Z.G. Lagerya GULAGa v Kazahstane: ob etapah istorii sozdaniya i funkcionirovaniya [GULAG camps in Kazakhstan: on the stages of the history of creation and functioning] // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya. 2022. №1 (105). S.144-154. [in Russian].

Saktaganova Z.G., Allaniyazov T.K., Tobylov A. K istoriografii problemy «Deti v kazahstanskikh lageryah GULAGa» [On the historiography of the problem "Children in the Kazakh GULAG camps"] / Vestnik Karagandinskogo Universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya. 2022. №4 (108). S. 227-238. [in Russian].

Sistema ispravitel'no-trudovyh lagerej v SSSR, 1923-1960: Spravochnik [The system of correctional labor camps in the USSR, 1923-1960: Handbook] / Obshch-vo «Memorial», GARF. Sostav. M.B. Smirnov. Pod red. N.G. Ohotina, A.B. Roginskogo. M.: Zven'ya, 1998. 600 s. [in Russian].

Solzhenicyn A.I. Arhipelag GULAG, 1918-1956. [The GULAG Archipelago, 1918-1956.]. Paris: YMCA-PRESS, 1990. 608 s. [in Russian].

Ugolovnyj kodeks RSFSR v redakcii 1926 g. [The Criminal Code of the RSFSR as amended in 1926]. // <http://museumreforms.ru/node/13973> [in Russian].

Ugolovnyj kodeks RSFSR ot 1922 g. [The Criminal Code of the RSFSR of 1922]. // https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 [in Russian].

Shajmuhonov D.A., Shajmuhonova S.D. Karlag. [Karlag]. Karaganda, 1997. 175 s. [in Russian].

Epplbaum E. GULAG. [GULAG.]. M.: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2023. 688 s. [in Russian].

Yakovlev B.A. Koncentracionnye lageri SSSR. [Concentration camps of the USSR]. London: Ontario, 1983. 255 r. [in Russian].

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation (GARF).]. F. R-9414. Op. 1. D. 675. L. 37. [in Russian].

GARF. F.R-9414. Op. 1. D. 1858. L. 199, 352. [in Russian].